An excerpt from the paper by Arthur Mackey:

Артур Макки
Сухой закон в годы первой мировой войны.
Причины, концепция и последствия введения сухого закона в России, 1914-1917 гг.

«В 1914 году Державный Внук Александра Второго своими великими предначертаниями освобождает душу народную, душу народа, томившуюся в плену зеленого змия».
В.А. Кайгородов, гласный минского губернского земства, 2 февраля 1915 г.[1]

«Могу сказать только одно, что повлиять на уменьшение пьянства в государстве ни отдельные лица, ни отдельные группы, сколько бы они ни принимали мер к тому, не могут … Россия счастлива тем, что благодаря указу верховной власти была возможность сразу прекратить потребление спиртных напитков»
Иван В. Годнев, депутат IV Думы от партии октябристов, 14 июня 1916 г.[2]

« А меры для укрепления трезвости? Да вот они, эти меры: не продавайте. А если будут тайные винокуры – преследуйте. Сначала, да, необходима узда… Конечно, нужно бы заменить его, это зелье, чем-нибудь. Ну что же, будет образование, театры даже в деревне, но это потом, а пока что узда да узда»
Неизвестный крестьянин из Московской губернии, цитата из Д.Н. Воронова, «Жизнь деревни в дни трезвости», 1916 г.[3]

22 августа 1914 года Николай Второй повелел правительству запретить продажу водки на весь период войны с Тройственным союзом. Уже отведав плоды почти полного сухого закона, введенного с начала мобилизации, большинство россиян отозвалось на это решение царя с похвалой и благодарностью. Эта статья пытается ответить на вопрос о том, как политика, приведшая к установлению сухого закона, обрела столько сторонников. Кроме того, автор ставит целью проследить, как сухой закон, существовавший в последние два с половиной года царствования Николая Второго, повлиял на практику потребления спиртных напитков в России и на Россию вообще. Автор показывает, каким образом даже политика, вначале принятая с восторгом и широко популярная течение всей войны, тем не менее провалилась и стала одной из причин падения Николая Второго. Если люди типа Кайгородова (см. цитату выше) приветствовали сухой закон как вторую отмену крепостного права, значит, до войны многие считали водочную монополию Министерства финансов чем-то вроде алкогольного рабства для народа. Таким образом, сухой закон, провозглашенный Николаем Вторым на время военных действий, рассматривался как удар по его собственной бюрократии и решительный шаг к восстановлению священных уз между царем и народом, едва не разрушенных корыстолюбивыми чиновниками. Но какой бы ни была политическая концепция Николая Второго, править он мог только через администрацию, без нее его указ свелся бы лишь к символическому «нет» привычкам собственных подданных. Даже по свидетельству источников, симпатизировавших сухому закону, запрет на производство водки пробил огромную брешь («пустоту») и в государственных финансах, и в хрупкой экономике страны, и в отношениях между высшими и низшими классами, и в культуре потребления спиртного. Постепенно подданные Николая Второго заполнили ее сами - с помощью контрабандного спирта, суррогатов и самогона.

История сухого закона позволяет выявить важные аспекты российской политической жизни того периода. Большинство исследователей справедливо усматривают причину Русской революции в борьбе за власть, которая развернулась между самодержавием и различными слоями общества. И все же история борьбы с пьянством в России свидетельствует, что вопрос о принципе организации власти, т.е. о том, каким образом ее механизм станет влиять на поведение населения, был не менее важен, чем вопрос о том, кому именно эта власть достанется. В 1914 году большинство россиян верили, что расширение личной власти Николая Второго может спасти нацию от ее внутреннего врага – пьянства. Но к началу 1917 года на «узду» Николая Второго уже никто не обращал внимания, так как его «освобождение» открыло широкие возможности для массового нарушения его собственного закона.

В данном, очень важном, случае, дело было не в том, что незаконность монархии сделала ее неэффективной, а в том, что сама неэффективность и неповоротливость царской власти поставила ее вне закона.

* * *

В последние тридцать лет существования Российской империи государственные и общественные деятели стали обращать внимание на ужасную угрозу со стороны «зеленого змия». Народное пьянство превратилось в проблему не оттого, что потребление алкоголя возросло (наоборот, в период между 1868 и 1894 гг. потребление водки на душу населения упало примерно на 40%), а оттого, что Великие реформы уничтожили самый важный институт общественного контроля – крепостное право, сделав все остальные безнадежно устаревшими. «Буйные» мигранты хлынули в города, их пьяные сборища на улицах и в трактирах породили страх неминуемого морального хаоса и мятежа. Изнывая от бремени долгов и высоких налогов, явно беззащитные перед хищными деятелями рынка, крестьяне на глазах нищали и отбивались от рук.

Не могло быть и речи о том, чтобы неповоротливый полицейский корпус Российской империи, созданный для поддержания порядка среди, главным образом, малоподвижного подобострастного населения, сумел наладить дисциплину в более текучем индустриальном обществе, начавшем формироваться в 80е годы. Пресса предрекала, что, если не предпринять мер для обуздания пьянства, Россия зачахнет в экономической отсталости, периодически сотрясаемая народными бунтами. Таким образом, борьба с пьянством, проводившаяся во имя народа преимущественно государством и образованными слоями общества, была поиском механизма власти, призванного поднять благосостояние и производительность россиян и одновременно сделать их более управляемыми. Победив «зеленого змия», Россия смогла бы пожать все плоды современной цивилизации, одновременно избежав присущих ей политических потрясений[4].

Наиболее эффективным и противоречивым методом борьбы с пьянством, испытанным в России в период между 1890 и 1905 годом, была государственная монополия на водку, введенная по инициативе министра финансов Сергея Витте в 1895 году. И механизм, и обоснование монополии на водку возникли на базе двух давних политических традиций, глубоко укоренившихся в сознании элит как внутри, так и за пределами государственного аппарата. Первая была полицейское государство, доставшееся России в наследие от Петра I и Екатерины II. Эта традиция требовала, что, для поддержания общественной морали и повышения производительности труда народа, необходимо, чтобы опытные чиновники постоянно вмешивались в жизнь общества.

Вторая, более романтическая традиция, состояла в представлении о народе как о невинной жертве могучих сил, губительных для его духовности. Вместе с тем, по этой традиции выходило, что в случае, если удастся избавить народ от врагов, то он, в конце концов, придет к процветанию. Общий вывод состоял в том, что единственный путь умерить народную любовь к питию состоит не столько в том, чтобы привить ему мысль о пользе трезвости, сколько в том, чтобы передать чиновникам полный контроль над рынком водки. Ибо, хотя привычка народа к горькому пьянству раздражала и пугала просвещенного россиянина, в большинстве своем он был убежден, что главные виновники якобы растущего пьянства - бессовестные трактирщики.

Торговцев алкоголем обвиняли в том, что они заманивают «простых» людей в свои сети, опутывая захмелевших клиентов паутиной кредита. По утверждению Сергея Витте в его речи на заседании Государственного совета в 1983 году, вооружившись водкой, трактирщики «властвуют над [народом] и высасывают из него все производительные соки». Правительство надеялось, что, закрыв большинство трактиров и заменив их государственными водочными лавками, освободит народ от трактирного «ига» и превратит россиян в более исправных налогоплательщиков и более производительных тружеников[5].

Однако в атмосфере политического ожесточения, которая воцарилась в стране после 1905 года, романтический взгляд на народ победил традицию полицейского государства: в обществе росла уверенность, что упорядоченная торговля водкой есть лишь средство, с помощью которого фискальные органы, для получения прибыли, спаивают народ. С одной стороны, монополия на водку оказалась чрезвычайно выгодным инструментом пополнения государственного бюджета, принося казне круглую сумму – 400 миллионов рублей в год, или около 25% дохода империи. С другой стороны, по уверениям противников монополии, резкое сокращение числа трактиров привело к повальному пьянству на улицах и распространению притонов; и в этих притонах сплошь и рядом продавалась монопольная водка - якобы с полного ведома полиции и акцизных чиновников. Куда более опасной, с точки зрения борцов за

трезвость, было то, что чиновники государственной монополии, как правило, отказывались удовлетворять прошения деревень о закрытии у них питейных заведений. Несмотря на то, что чиновники Министерства финансов доказывали чистоту своих помыслов, уже в 1902 году Витте согласился, что уберечь общество от распространения ужасного зрелища публичного пьянства государство может лишь разрешив открыть больше трактиров и пивных. Преемник Витте Владимир Н. Коковцов, скептически относившийся к идее об отрезвляющем эффекте государственной монополии на водочную торговлю, столкнувшись с необъятной проблемой спасения финансовой системы России, стоявшей на краю пропасти, значительно расширил количество частных питейных заведений. В результате либерализации торговли алкогольной продукцией, одновременно с бурным развитием российской промышленности, начавшимся после 1909 года, выросло, также примерно на одну пятую, и потребление водки и пива на душу населения (в период с 1904 по 1913 годы).

Ирония заключалась в том, что, в тот момент, когда на государственный аппарат все больше и больше сыпались обвинения в спаивании народа, государство по нарастающей теряло контроль над продажей алкогольной продукции[6].

Правительство Коковцова не могло просто отмахнуться от усиливающегося хора критиков, так как ставки в борьбе с пьянством поднялись еще выше. После 1905 года российские медики начали сходиться в едином мнении о том, что алкоголь – настоящий яд. Врачи утверждали, что так называемая «потребность» в алкоголе есть не что иное, как результат безрассудной привычки и эффекта привыкания, свойственного спиртным напиткам. Ученые же установили, что даже в маленьких дозах алкоголь сокращает жизнь пьющего и угрожает вырождением его потомству. Следовательно, задача состояла не в том, чтобы взять продажу алкоголя под контроль, а в том, чтобы прекратить ее вообще. Другие общественные деятели обращались к печальному опыту 1904-1907 годов, напоминая о том, какие несчастья могут обрушиться на Россию, если не будут приняты решительные меры против пьянства. Широко распространилось мнение о том, что, как отмечал в 1907 году Д.Г. Пиленко, редактор официальной газеты российской армии в Маньчжурии в период русско-японской войны, «главной причиной большинства наших поражений на Дальнем Востоке было пьянство солдат и офицеров». Правые и центристы утверждали, что в «крайностях» революции 1905-1907 годов также виноват алкоголь. Страстный защитник трезвого образа жизни депутат-октябрист Михаил Д. Челышев риторически вопрошал Третью государственную Думу: «Кто вершит насилие, кто грабит и бездельничает, кто стремится разрушить все, чем владеют имущие классы, кто попирает все благородные чувства, … кто разграбил Одессу, кто сжег Владивосток?» И, под аплодисменты, сам себе ответил: «Пьяная толпа обездоленных людей»[7].

Таким образом, еще за 10 лет до начала войны российские элиты занимались поисками института, который бы послужил инструментом более строгого контроля над пьянством и, соответственно, непокорным народом. Было признано, что православная церковь с ее сетью обществ трезвости, объединявших в 1912 году более 500 000 членов, с этой задачей справиться не может. Хотя действенный церковный обряд «принятия трезвости» мог, по крайней мере временно, вырвать раскаявшихся пьяниц из объятий алкоголя, многие священники относились к идее трезвости с безразличием или откровенной враждебностью, считая, что от нее попахивает сектантством. Даже руководители движения за трезвость внутри самой православной церкви стали приходить к выводу, что их усилия пропадут втуне, если на торговлю алкоголем не будут наложены более строгие ограничения. Ничего обнадеживающего не могла предложить и медицина. Сами врачи признавали, что их антиалкогольная терапия, гипнотическая суггестия, не более чем паллиатив. Их попытки заменить водку чаем и благотворным влиянием культуры после 1905 года практически прекратились, пав жертвой чересчур пристального внимания со стороны властей и широко распространившегося мнения, что, по постановлению Второго конгресса психиатров 1905 года, «наиболее значительной и правильной мерой» в борьбе с пьянством был бы «отказ правительства от использования алкоголя в фискальных целях»[8].

В надежде вырвать Россию из кризиса алкоголизма, консерваторы стали все чаще обращать свои взоры к человеку, способному обуздать государственных чиновников и пробудить в народе трезвость, т.е. к царю. С трибуны Третьей государственной думы Челышев заявил, что Витте обманул Александра III, уговорив ввести государственную монополию на водку, для того, чтобы отдать русский народ в руки его врагов. Челышев умолял Николая II исправить ошибку отца, внять голосу народа, который стремилось заглушить чиновничество, и запретить продажу алкоголя на Руси. Несмотря на то, самого Челышева часто называли фанатиком, его зажигательные выступления постепенно формировали мнение и политиков, и журналистов. В 1913 году князь В.П. Мещерский, издатель влиятельного журнала «Гражданин», начал публиковать серию собственных статей, обвинявших государственную монополию на

водку в том, что она «порождает в России» «больше ужасов и опасностей», чем «любая война». Основной целью Мещерского было свалить Коковцова, в котором он видел человека, узурпировавшего законные права царя. А монополия на водку была самым слабым местом в позиции Коковцова не только потому, что, как министр финансов, он вынужден был ее защищать, но также и потому, что она превратилась в яркий символ чиновничества, которое, цепляясь за власть, не останавливается ни перед чем[9].

Критические выступления Челышева, Мещерского и других произвели нужный эффект на того, к кому были обращены. К 1913 году Николай II был уверен, что чиновничество соорудило «стену» между ним и его подданными, и постоянно искал пути, чтобы обойти собственную администрацию, непосредственно вмешаться в реализацию чаяний народа и способствовать развитию его самых чистых побуждений. Обеспокоенный разрушительными последствиями народного пьянства, Николай, похоже, решил, что без посторонней помощи его подданные с питием не справятся. В течение своего царствования Николай II периодически интересовался у своих министров, какие шаги те предпринимают для поощрения трезвого образа жизни. Но то, что подвигло царя на принятие решительных мер, была нищета в деревнях, которую он увидел лично во время поездки по Волге в дни празднования трехсотлетия дома Романовых в 1913 году, и его беседы с крестьянами. На этом собственном, глубоко тронувшем его опыте, он убедился, как аморально его правительство, наживающееся на источнике «погибели» народной. Таким образом, во имя спасения своих подданных, царь был готов сломать бюрократические препоны[10].

Однако, прежде чем начинать действовать, Николаю II надо было избавиться от премьер министра. Замечательная возможность ему и многочисленным врагам Коковцова представилась во время обсуждения в Государственном совете в 1914 году закона о мерах против пьянства. Весьма скромный по своим задачам, закон этот, тем не менее, содержал положение, наносившее серьезный удар по государственной монополии: оно давало деревенским общинам право запрещать продажу алкоголя в пределах их административных границ. Эта передача властных полномочий не только угрожала подорвать источник государственного дохода. Она означала, что в закон будет внесен принцип, по которому именно простой народ, а не «профессиональное» чиновничество лучше всего разбирается в том, как следует регулировать торговлю спиртным. В процессе обсуждения, поддавшись на преувеличенные обвинения со стороны Витте, Коковцов пустился во все тяжкие, защищая монополию как «единственно верный и целесообразный» способ извлечения дохода из торговли алкоголем. Однако в накаленной атмосфере того времени эту «защиту» расценили как признание в том, что с самого начала единственный интерес правительства в вопросе о пьянстве состоял лишь в его финансовой стороне. В конце января, чтобы успокоить возмущение, вызванное речью Коковцова, Николай II освободил его от должности премьера.

Одновременно царь дал предписание его преемнику на посту министра финансов, Петру Л. Барку, в котором требовал добиваться получения дохода из «неисчерпаемых источников державного благосостояния и производительного труда народа», а не путем продажи зелья, имевшего столь разрушительное воздействие на «духовные и экономические силы большинства верных Моих подданных». Конечно, позиция Коковцова по вопросу о монополии была не единственной причиной его отстранения от должности. Он настроил против себя Николая II и его консервативное окружение своей прижимистой финансовой политикой, сравнительно либеральными взглядами по национальному вопросу, и неумением добиться стабильного большинства в Думе. Тем не менее, оказалось, что его ошибочный выпад в Государственной Думе – это нечто большее, чем просто предлог для отставки премьера. Из него следовало, что давнишние претензии чиновничества на роль беспристрастного радетеля за народные интересы есть не что иное, как маска, прикрывавшая стремление к личному возвышению[11].

С государственной монополией еще не было покончено, ибо хотя царь и заявил о своем неудовлетворении тем, как его слуги решают проблему пьянства, он не указал точно, каким путем следует идти. И поначалу казалось, что новый кабинет постарается подойти к этой проблеме с той же стороны, что и Витте – укрепив власть государства. Горя желанием оправдать доверие царя, весной 1914 года Барк принялся издавать циркуляр за циркуляром, направленные на ограничение торговли алкоголем. В апреле он заявил на заседании Совета министров, что мечтает дожить до того дня, когда в России сберегательных касс будет не меньше, чем государственных питейных лавок (около 25 000). Однако перед царем и его окружением он доказывал, что Россия должна быть готова к тому, что пройдет много лет, прежде чем «зеленый змий» будет окончательно побежден; в ближайшем будущем он не предвидел никаких радикальных перемен в правительственной политике по торговле алкоголем.

Леволиберальная пресса скептически отнеслась к антиалкогольной кампании кабинета, опасаясь, что она слишком сильно полагается на ту же произвольную тактику, которая лишь подталкивает русского человека искать утешения в бутылке. «Русское богатство» предупреждало: директивы, призывающие полицию ужесточить наказание за пьянство в общественных местах, «еще опаснее самого пьянства»[12].

И все-таки появлялись обнадеживающие признаки того, что слова царя производят отрезвляющее впечатление на его подданных. В период между февралем и июлем 1914 года правительство утвердило 800 просьб сельских общин о запрете продажи алкоголя на их территории, что было на 200 обращений больше, чем за весь период с 1895 по 1906 год. В результате было закрыто 447 государственных и 702 частных питейных заведения. Опубликованные отчеты свидетельствуют, что зарождавшееся «движение за трезвость» наиболее сильно проявило себя в южных и восточных губерниях (в том числе в казачьих областях) европейской части России. Многие прошения прибегали к риторике царского рескрипта для того, чтобы добиться уступок от, по их определению, нерадивых чиновников казначейства. Обычными стали жалобы на развращающее воздействие пьяных сцен вокруг винных лавок, рост случаев пьяного хулиганства, а также упадок «производительных сил» народа. Многие полагали, что все эти язвы исчезнут, если исполнится их желание о введении сухого закона. Тогда, по словам одного из авторов прошений, народ превратится в «честных тружеников и верных слуг Царя и Отечества». Конечно, как спешили отметить акцизные чиновники среднего звена, не все подобные патриотические заявления были искренними. Во многих случаях крестьяне подавали эти прошения под давлением своих помещиков, иногда священники обманом заставляли неграмотных крестьян подписывать бумагу, содержания которой они не знали. Есть также сведения, что подпольные торговцы (шинкари), с целью устранения конкуренции, подбивали односельчан писать прошения о запрете законной торговли водкой. Тем не менее, волна подобных прошений заметно сказалась на обычаях потребления спиртных напитков населением: в июне 1914 года потребление водки на душу населения сократилось на 13% по сравнению с предшествующим годом[13].

Активисты движения за трезвость и журналисты всех цветов политического спектра восприняли народное «движение за трезвость» как знак того, что их надежды не были напрасными, что добродетельный народ стремится к освобождению от «гнета» государственной монополии. Не мене важным моментом было и то, в консервативных кругах и у самого царя возникла уверенность, что эта волна прошений свидетельствует о существовании особой, почти мистической связи между государем и его подданными. Для наведения порядка, вместо того, чтобы прибегать к обычным административным мерам воздействия (как то: издание циркуляров, ограничивающих часы продажи алкоголя, составление губернскими комитетами карт, на которых наносилось «рациональное» размещение питейных заведений, аресты полицией пьяниц) государю достаточно лишь обратиться непосредственно к своим подданным, чтобы убедиться, как глубоко коренится в их душах желание ему повиноваться. Тогда как архитекторы и администраторы государственной монополии считали, что лишь хорошо отлаженное сочетание дисциплинарных мер и поощрений может привести население к трезвости, царь полагался на свою личную волю и жажду добродетели у своих подданных. Так зарождалась политика, которая вдохновила Николая II запретить продажу водки на период до конца войны, и на которую возлагались все надежды на достижение трезвости нации. Хотя и не все члены просвещенного общества верили в то, что царь пробудил стремление к трезвости в душе народа, большинство из них как минимум лицемерно способствовали распространению этого мифа. Ибо, вознося хвалу деяниям царя, россияне всех цветов политического спектра отвергали власть ненавистного государственного чиновника[14].

* * *

---

[1] Российский государственный исторический архив (РГИА), п. 575, ор. 6, 845, 1.23 Все даты, приведенные в тексте даны по Юлианскому календарю, которым в России пользовались в тот период.

[2] Государственная Дума, четвертый созыв, четвертая сессия: Стенографические отчеты: часть третья, с. 5431.

[3] Страницы 60-61.

[4] Эти рассуждения главным образом основаны на первых двух главах моей диссертации "Taming of the Green Serpent: Alcoholism, Autocracy, and Russian Society, 1881-1914" [«Укрощение зеленого змия: алкоголизм, самодержавие и российское общество, 1881-1914»], University of California at Berkely, 1997). Об «угрозе», которую представляли собой в этот период крестьяне-мигранты, см.: Daniel R. Brower, The Russian City between Tradition and Modernity, 1850-1900 (Berkely and Los Angeles, 1990).

[5] Эти рассуждения на тему водочной монополии основаны на главах 2-4 моей диссертации. Более подробно о традиции полицейского государства см.: Marc Raeff, The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600-1800 (New Haven and London, 1983). Текст выступления Витте на заседании Государственного совета в 1893 году можно найти в: РГИА, п. 1152, док. 238, 1.114.

[6] См. данные в: Н.Г. Поздняков (ред.) «Пивоварение и пивоторговля в России с древнейших времен и до наших дней (материалы по истории пивоварения и пивоторговли), издание второе (Санкт-Петербург, 1911 г.), с. 138-139; «Статистическое отделение Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей (ГУНСиКПП)», издание 1905 года: «Статистика по казенной продаже питей», с. 19; издание 1913 г.: «Статистика по казенной продаже питей», с. 28-30. О признании Витте неудачи государственной монополии на водку см.: РГИА, папка 575, док. 2379, II, 184-188.

[7] Об анти-алкогольной кампании медиков в это время см.: "Taming", глава 10. Высказывания Пиленко см. в: «Труды комиссии по вопросу об алкоголизме, и мерах борьбы с ним», том 10, ч. 1 (7 ноября 1907 г.), с. 715. Выступление Челышева в Думе 27 ноября 1907 г. см. в : «Речи М.Д. Челышева, произнесенные в Третьей государственной Думе о необходимости борьбы с пьянством и по другим вопросам (Санкт-Петербург, 1912 г.), с. 18.

[8] См.: РГИА, папка 1242, док. 1, II. 169-170; "Taming", главы 7, 9; «Труды второго съезда отечественных психиатров, происходившего в г. Киеве с 4-го по 11-го сентября 1905 г.» (Киев, 1907), с. 328-342.

[9] См.: Челышевскую «Главную причину нашего несчастья» (Самара, 1907 г.). Барк в своих мемуарах вспоминает, что Челышев добился аудиенции у царя и произвел на него впечатление своей искренностью. К сожалению, Барк не называет даты, когда произошла эта встреча. См.: Петр Барк «Воспоминания: Глава 5 – Запрещение спиртных напитков», «Возрождение», No 158 (Февраль 1965 г.), с. 83. О выступлениях Мещерского по вопросу монополии на водку см. его «Дневники» в журнале «Гражданин» No 16 (21 апреля 1913 г.), с. 13. Говорят, «Гражданин» был основным источником, из которого Николай II черпал новости о жизни в стране. О политике Мещерского см.: В.С. Дьякин «Буржуазия, дворянство, и царизм в 1911-1914 гг.» (Ленинград 1988), и Geoffrey Hosking, The Russian Constitutional Experiment (Cambridge, 1973).

[10] О сильной неприязни Николая II к чиновничеству см.: orlando Figes, A People's Tragedy: A History of the Rusian Revolution (New York, 1997), pp. 7-12, а также введение Марка Д. Штейнберга к книге Steinbrg and Vladimir M. Krustalev (eds.), The Fall of the Romanovs (New Haven, 1995). О постоянном беспокойстве Николая II по поводу пьянства среди его подданных см.: Владимир Коковцев «Из моего прошлого: воспоминания» (Москва, 1992), с 221. О том, как повлияла на Николая II поездка по Волге, см.: Петр Барк «Глава из воспоминания: период национального выздоровления» в журнале «Возрождение» No 48, декабрь 1955 г., с. 73.

[11] Речь Коковцова можно найти в: «Государственный совет: статистические отчеты, 9-я сессия, сс. 341-368 (10 января 1915 г.). Рескрипт Николая II от от 30 января можно найти в «Отчет ГУНСиКПП: 1914 г. (Санкт-Петербург, 1915), ч. II, с. 73. О работах, в которых дискуссия о государственной монополии рассматривается лишь как повод для отставки Коковцова, см.: Дьякин, «Буржуазия и дворянство», сс. 170-178, а также Hosking, Constitutional experiment, pp/ 200-205.

[12] См.: «Отчет ГУНСиКПП, 1914 г., часть II, с. 73-110; Барк «Воспоминания: глава 5», с. 77-78. О реакции прессы см.: Varc Lee Schulkin, "The Politics of Temperance: Nicholas II's Campaign Against Alcohol Abuse", (Ph.D. dissertation, Harvard University, 1985), pp. 195-196; А. Петрищев «Хроника внутренней жизни», Русское богатство, 23, No 5, май 1915 г., с. 278-279; и И. Жилкин «Провинциальное обозрение», Вестник Европы, 49, No 4, апрель 1914 г., с. 344-347.

[13] William Johnson, The Liquor Problem in Russia (Westerville, OH, 1915), pp. 193-194, приводит данные о количестве поданных прошений. Примеры прошений см. в: РГИА, папка 575, ор. 6, док. 828, особенно II. 142-144; ibid.; док. 829. О географии распространения этого движения см.: Петрищев «Хроника», с. 280-281. Материалы об обмане населения и жалоб по этому поводу см. в: РГИА, папка 575, ор. 6, док. 828, 829 и 832. О снижении потребления алкоголя см.: 1914г.: «Статистика по казенной продаже питей», с. 59-60.

[14] О реакции прессы на движение за трезвость весной 1914 года см.: Петрищев «Хроника», с. 280-285; избранные статьи из «Вестника трезвости» в первой половине 1914 года; а также: Жилкин «Провинциальное обозрение», с. 348-352.